

«ВЕЧНОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ» КАК ФАКТОР СКЛАДЫВАНИЯ НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Аннотация

В статье глобальные процессы, происходящие в современном мире, рассмотрены с точки зрения начал традиционного мировоззрения. Констатируется, что объективное восприятие новой реальности и адекватная реакция на кризисные явления современности требуют переоценки исходных принципов и установок проекта модерна. Рационально-секуляризованная идеология Просвещения, основанная на конструктивно-проективном отношении к обществу и человеку, в итоге обернулась угрозой дегуманизации общества и десоциализации человека. Возникла необходимость, во-первых, расширения исторических рамок восприятия проблем современного мира и, во-вторых, признания того, что развитие общества, базирующееся на отрицании традиционных принципов и форм социальной коммуникации, зайдет в тупик. Обосновывается, что в будущем проявится общая историческая закономерность: выживали те цивилизации и культуры, которые в процессе развития технологий сохраняли ориентацию на традиционные ценности и институты. Указанные вопросы рассмотрены в контексте активно обсуждаемого в современной философии концепта «вечное возвращение».

Ключевые слова: новая реальность, традиционализм, историософия, проект модерна, вечное возвращение.

Автор

Насыров Рафаил Валейзянович

Кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права
Алтайского государственного университета
(Барнаул, Россия)

Башня — творение иного века. Без прошлого она ничто.
Новая башня — это такой абсурд!

Гастон Башляр

Формулировка статьи ориентирует на историософию, т.е. на рассмотрение настоящего в контексте всей мировой истории, что сейчас не принято и даже вызывает у современных интеллектуалов снисходительную улыбку. Заметим, что у юристов есть понятие вменяемости, которое означает способность субъекта к адекватному восприятию окружающего мира, что в свою очередь предполагает наличие в сознании не только кратко-, но и долговременной памяти. Если человек помнит и оценивает явления настоящего лишь через призму того,

что он наблюдает в данный момент или в коротких временных рамках, то уместно ставить вопрос о невменяемости данного субъекта. В связи с этим стоит отметить, что десятилетия в истории — это мгновения. Дэн Сяопин в год празднования 200-летия Великой французской революции 1789 г. отказался отвечать на вопрос о последствиях этого события, указав: «Об этом еще слишком рано судить».

У интеллектуала, который не знает иной системы мировоззрения, кроме как западноевропейский рационализм и прагматизм, и мыслит лишь в рамках

Нового времени и Новейшей истории, современность вызывает удивление и даже настороженность — очевидно, что Китай и Индия становятся одними из центров глобального мира. Хотя этот процесс в контексте всей мировой истории необходимо воспринимать не как новацию, а как *возвращение* истории «на круги своя». Речь идет не только об изменениях внешней, геополитической карты мира, но и о мировоззренческой стороне складывания новой реальности. Более чем трехтысячелетняя история китайской и индийской цивилизаций с их удивительными в прошлом достижениями в сфере науки и технологий показывает принципиальную возможность сочетания модернизации с сохранением традиционных институтов и принципов социального бытия. Уникальность западноевропейской цивилизации в том, что несколько веков назад она пошла по крайне своеобразному (в контексте всемирной истории) пути развития с почти тотальной экономизацией, рационализацией, юридизацией и, соответственно (в той или иной форме), этатизацией общественной жизни. Наградой за эту «фаустовскую сделку» было приобретение мирового геополитического господства. Но, как известно, за все надо платить; интрига современности сводится к подведению итога этого своеобразного эксперимента, который допустила мировая история.

Традиционалист, разумеется, не может не признавать того, что в истории возникают уникальные, невиданные в прошлом события и процессы. Но считает, что они скорее имеют отношение к внешней стороне общественной и индивидуальной жизни. Проблемы же социального и внутреннего бытия человека, в том числе и связанные с вопросами соотношения добра и зла, свободы и ответственности, себялюбия и альтруизма и т.д., остаются по своей сути неизменными. Развитие цивилизации приводит к тому, что новые условия бытия человека не позволяют

скопировать формы и методы решения этих проблем у наших предков, но шкала оценки жизни человека и состояния всего общества не меняется. Этот принципиально ретроспективный вектор традиционного мировоззрения Г. Башляр выражает так: «Башня — творение иного века. Без прошлого она ничто. Новая башня — это такой абсурд!» [3. — С. 68].

Введенный Ф. Ницше в дискурс западной философии концепт «вечное возвращение» необходимо понимать как проявление универсальной закономерности, того, что основы традиционного мировоззрения невозможно уничтожить. Традиция сохраняется не только в развитых системах религиозного и философского мировоззрения, но и в повседневной жизни современного обывателя, регулярно переживающего состояние, по словам В. Франкла, «экзистенциального вакуума»: «Основные проявления экзистенциальной фрустрации — скука и апатия — стали вызовом образованию, так же как и психиатрии» [11. — С. 309].

В ветхозаветной книге Екклесиаст содержатся часто цитируемые слова: «Что было, то и будет, и что вершилось, то вершится, и ничего нового нет под солнцем» (Еккл. 1:9). Казалось бы, автор этих строк (вероятно, царь Соломон) призывает не искать смысла жизни, а лишь максимально возможно испытать ее удовольствия: «Итак иди, ешь с весельем хлеб твой, и пей в радости сердца вино твоё, когда Бог благоволит к делам твоим» (Еккл. 9:8). Для уяснения того, почему же эта книга с явно гедонистическими призывами была включена в Библию, необходимо прочитать ее глазами не только богослова и философа, но и знатока художественного слова. С. Аверинцев указывает, что автор Екклесиаста использует литературно-художественный прием содержательного, многозначительного «разыгрывания» читателя. Основной мотив этой библейской книги — «бес-

полезность попыток всесторонне охватить жизнь, подчинить ее себе на практике или исчерпать ее мыслью» [1]. Адресатами текста являются те, кто уже пресытился благами земной жизни, и в совете продолжать пресыщаться ими слышится нотка усмешки, стремление «насыпать соль на рану». В Екклесиасте речь идет об очевидной религиозной истине, которую невозможно рационально ни обосновать, ни опровергнуть — «не хлебом едином жив человек», и содержится скрытый призыв заботиться не только о том, что «за душой», но и о том, что «в душе», и не смешивать «божий дар с яичницей».

Дело в том, что многочисленные предрассудки прошлого заменены одним фундаментальным предрассудком прогресса, в основе которого убежденность в том, что возникновение новых условий и средств социального бытия якобы означает появление принципиально нового типа человека и общества. Так, Э. и Х. Тоффлеры уверенно констатируют, что после аграрной и индустриальной революций «приходящая цивилизация готовит для нас новый кодекс поведения [10. — С. 254]. Такого рода однозначные предсказания соответствуют рационально-механистической методологии просветителей XVIII в. и делаются в состоянии своеобразного интеллектуального «лунатизма», когда не замечаются результаты реализации проекта модерна. Представители этого течения философской и социально-политической мысли не увидели бы в современном социуме воплощения высоких идеалов Истины, Добра и Красоты, а человек общества потребления оказался лишь пародией на их представления о разумном и гармонично развитом человеке. Дж. Сол выражает этот факт краха проекта модерна в самом эпатажно-резком названии своей известной книги [9. — С. 355–356]. Речь идет не только о содержательной стороне проекта модерна, но прежде всего о его плоской

методологической установке, когда создание новых атрибутов внешнего бытия человека воспринимается как изменение его сущности.

М. Хайдеггер заметил о Ф. Ницше: «Быть может, он вовсе не такой бунтарь, каким сам хотел казаться?»; о понятии «вечного возвращения» — «Без этого учения как основы его философия становится похожей на дерево без корней» [12. — С. 10; 223]. Вот эти корни Ф. Ницше не создавал, а стремился к ним вернуться и на них опереться: «В учении о вечном возвращении того же самого содержится высказывание о сущем в его целом, и тем самым оно соединяется с учениями, которые с давних пор были известны западному мышлению» [12. — С. 223]. Дополним, что речь идет об универсальной, допустимо сказать, архетипической интенции, присущей всем формам мировоззрения, от примитивных мифов до развитых религиозных и философских систем. Ф. Ницше — «дитя своего времени», XIX века, завораживающего научными и техническими достижениями; как известно, философ внимательно следил за открытиями в сфере естествознания, и огромный интерес, например, у него вызвало учение Ч. Дарвина. Но сознанию Ф. Ницше присуща раздвоенность, так как он одновременно был философом-мистиком и не мог стать плоским рационалистом и сциентистом наподобие изображенного в романе «Отцы и дети» Евгения Базарова, утверждавшего: «Ты проштудируй-ка анатомию глаза: откуда тут взяться, как ты говоришь, загадочному взгляду? Это все романтизм, чепуха, гниль, художество».

В августе 1881 г. у швейцарской деревушки Сильс-Мариа Ф. Ницше пережил мистическое озарение [7. — С. 386], которое всегда сопровождается осознанием очевидной целостности и вечности бытия. Но почему эти возвышенные переживания у философа, наряду с воодушевлением, вызвали также и ощущение ужаса? Во-первых,

соприкосновение с божественным всегда амбивалентно; слова «дивный» и «дикий» имели общий корень. Французский лингвист Э. Бенвенист установил, что общеиндоевропейское понятие *dikaiois* было двойственным: положительным — «освященное присутствием божества» — и отрицательным — «то, соприкосновение с чем для человека запретно» [4. — С. 343]. Во-вторых, это мистическое озарение, которое Ницше назвал «вечным возвращением», философ пережил в эпоху «фаустовской сделки», т.е. в контексте уже господствовавшего и очень эффективного в «делах земных» принципа западноевропейского рационализма и прагматизма. Связь с сакральным является неразрывной, но не непосредственной; необходимо выстраивать систему постоянной и одновременно тактично-опосредованной связи с ним. Если общество и человек, как в последние три столетия, теряют бдительность, отвлекаются от этой стороны своего бытия или вообще поворачиваются к сакральному спиной, то оно не исчезает, а проявляется в ужасающем, диком аспекте.

Ф. Ницше осознал, что западный человек забыл эти истины («Бог умер!»), и все его творчество можно истолковывать как убеждение в том, что возврат к традиции не может быть эволюционным и безболезненным, а будет трагическим и мучительным: «Наступает время, когда нам придется платить за то, что мы в течение двух тысячелетий были христианами: мы утратили тяжесть, которая позволяла нам жить, — мы уже не знаем, ни откуда, ни куда идем» [8. — С. 41–42]. Такого рода высказывания необходимо воспринимать не как общую оценку христианства, а всегда имея в виду собственное признание философа: «То, о чем я повествую, это история ближайших двух столетий» [8. — С. 21].

Наступила эпоха западноевропейского мещанства, о котором А.И. Герцен

писал: «Вместе с его господством разовьется понижение всего нравственного быта, и Ст. Милль, например, вовсе не преувеличивал, говоря о суживании ума, энергии, о стертости личностей, о постоянном мельчании жизни, о постоянном исключении из нее общечеловеческих интересов, о сведении ее на интересы торговой конторы и мещанского благосостояния» [5. — С. 148]. Этот процесс проявился и в утверждении системы и атмосферы, по выражению Ф. Ницше, «мелкой политики». Как известно, западноевропейская философия в целом носит ярко выраженный политический характер. Так, Платон наблюдал процесс разложения полиса и был поражен несоответствием идеалов гражданской общины конца V–IV вв. до н.э. идеалам полиса; демагоги были лишь пародией на «государственных мужей» эпохи Греко-персидских войн. Родившийся и воспитанный в семье искренне верующего отца (пастора), молодой Ницше был, как и Платон, поражен профанацией и фальсификацией образа не только священника, но и носителя государственной власти (рыцаря-аристократа). Стоит заметить, что одним из проявлений «мелкой политики» Ф. Ницше считал расцвет националистических движений и национализма, в том числе германского: «У немцев отсутствует всякое понятие о том, как они грубы, но это есть превосходная степень грубости, — они не стыдятся даже быть только немцами <...> Напрасно я ищу хотя бы одного признака такта, деликатности в отношении меня. Евреи давали их мне, немцы — никогда» [7. — С. 406]. Примечательно, что молодой философ с воодушевлением воспринял деятельность такого политика, как О. фон Бисмарк, но затем разочаровался и в нем.

Эта замеченная Ф. Ницше тенденция измельчания политики в настоящее время приняла форму очевидного кризиса современных политических элит. Более того, исследователи констатиру-

ют деградацию элит, когда личностное благополучие начинает доминировать над чувством социальной ответственности, личностные цели замещают собой общественные. В связи с этим Ф. Аппель правомерно замечает: «На первый взгляд может показаться, что мелькающие у Ницше время от времени фразы о здоровой форме “себялюбия” означают, что его благородные типы имеют обязательство только перед самими собой и собственным самосовершенствованием. Однако обязательство перед собой и обязательства перед другими вовсе не обязательно исключают друг друга. Скорее, предпочитаемая им табель ценностей и рангов касается того, “как далеко могла бы простираться его ответственность”. Ницшеанские благородные типы инстинктивно стремятся к бремени ответственности, и это считают они признаком благородства» [2. — С. 223]. Об утрате идеалов в сфере современной политики Ф. Закария пишет так: «Мы освободили высшие классы от всякого чувства ответственности, и они с удовольствием пошли нам в этом навстречу... Когда лидеры общества жили в соответствии со своими идеалами, им воздавали почести. Если они не соответствовали идеалам, общество выражало глубокое разочарование. Сегодня мы, напротив, ожидаем от власть имущих очень немногого — поэтому они нас редко разочаровывают» [6. — С. 263].

Глобальная проблема кризиса политических элит резко проявилась в России накануне и после распада СССР. Но и в настоящее время острым остается вопрос о наличии собственно государственной (суверенной) политической элиты, сочетающей в себе высокие профессиональные и нравственные качества, что является условием самосохранения и позитивного развития страны. Решение этой проблемы не может осуществиться эволюционно в ходе постепенного оздоровления правящего слоя; события конца 2021 — начала

2022 г. показали, что обновление элиты происходит в чрезвычайных условиях решения вопроса «Быть или не быть».

Остро встает вопрос о том, какие цивилизации, культуры и государства выживут в процессе складывания новой реальности. По этому вопросу, как правило, высказываются суждения о необходимости не отстать от современного технологического прогресса. Разумеется, важно отдавать должное уровню развития техники, но при этом не впадать в технократическую иллюзию. История показывает: в конечном итоге выживают те общества, которые обеспечивали развитие технологий (сферы цивилизации), но такой прогресс не приводил к разрушению традиционных ценностей и институтов.

В заключение укажем, что состояние «краха проекта модерна» и кризиса западной цивилизации влияет на изменение концепта «Азия», его содержания и коннотаций. Постепенно исчезают стереотипы об отсталости, косности и неспособности к развитию азиатских обществ. Носитель традиционного мировоззрения воспринимает этот процесс не как возникновение принципиально новой политической карты мира, а как возвращение в мировую политику Китая и Индии после относительно краткого (учитывая их более чем трехтысячелетнюю историю) колониального периода. В контексте колониального и постколониального периодов, т.е. последние три века, необходимо рассматривать историю и России, которая упорно стремилась отстоять политическую самостоятельность. Для сохранения суверенитета приходилось совершать «рывки» в технологическом развитии, что предопределяло события не только внешней, но и внутренней истории страны (реформы Петра I, сталинская индустриализация).

В общественном, в том числе глобальном дискурсе все еще сохраняется представление об универсальности западных ценностей, что и является

идеологической основой «столкновения цивилизаций». Но в настоящее время становится ясно, что Запад в результате настойчивой пропаганды тезиса об универсальности своего образа жизни «нарывается на грубость» и сам «роет себе яму». Можно только с ужасом представить, что Китай (с его населением и потенциалом) действительно попытается заменить США в качестве сверхдержавы. Сложность в том, что в условиях кризиса Запада сохраняется значение его ориентиров развития в экономике, политике, праве, вплоть до образцов повседневной

жизни. Дискурс о мировых проблемах продолжает осуществляться в контексте прагматично-секуляризованного мировоззрения. Перед цивилизациями и государствами стоит проблема достижения не только экономической и политической, но и идейно-мировоззренческой самодостаточности. Вся интрига развития человечества в ближайшие десятилетия сводится к вопросу: «Сможет ли быть выработан алгоритм развития, по которому модернизация сочетается не с упразднением, а с сохранением традиционных ценностей и институтов?»

Литература

1. *Аверинцев С.С.* София-Логос. Словарь. Экклезиаст. — URL: predanie.ru/averincev-sergey...sofiya-logos-slovar/.
2. *Аппель Ф.* Ницше против демократии. — СПб.: Наука, 2016.
3. *Башляр Г.* Поэтика пространства. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2014.
4. *Бенвенист Э.* Словарь индоевропейских социальных терминов. — М.: Прогресс-Универс, 1995.
5. *Герцен А.И.* Собрание сочинений в 30 тт. Т. 16. — М.: АН СССР, 1959.
6. *Закария Ф.* Будущее свободы: неолиберальная демократия в США и за их пределами. — М.: Ладомир, 2004.
7. *Ницше Ф.* ЕССЕ НОМО // Избранные произведения. Кн. 2. — М.: Сирин, 1990.
8. *Ницше Ф.* Воля к власти. — СПб.: Азбука-классика, 2006.
9. *Сол Дж. Р.* Ублюдки Вольтера. Диктатура разума на Западе. — М.: АСТ: Астрель, 2007.
10. *Франкл В.* Человек в поисках смысла: сборник. — М.: Прогресс, 1990.
11. *Хайдеггер М.* Ницше. — Т. 1. — СПб.: Владимир Даль, 2006.
12. *Тоффлер Э. и Х.* Создание новой цивилизации // Апокалипсис смысла. Сборник работ западных философов. — М.: Алгоритм, 2007.